

* * *

Прости — ни ^{о́}блака, ни солнца, ни луны —
пустырь-земля, столпотворение покоя...
Бежать ли нет, везде: «Куда ж нам плыть?..» —
от жалкой родины с дремучими очами
спасенья нет душе...
Бесплодных нет небес.

* * *

Казалось, мы ещё споем — но ждать уже нельзя.
Казалось, каждому своё — а всем одна стезя.
Там ничего нам не узнать, где нет ни тьмы, ни дня.
Но звездопад — небесный знак, пугающий меня...

— Простимся, друг!.. Дорога нас не выведет вдвоём,
и кто-то перейдёт из сна в пустынный окоём...

Ты спишь, к земле щекой припав в полыни голубой,
и каждый вечер новый враг приходит за тобой.

То ль бес, то ль шут в последний раз меня на ^{и́}змор взял?
— На что мне ваша клеть сдалась!.. — кричу.

А песня — вся.

Я ухожу... — Проснись, проснись!.. —

Молчишь, глаза смежив.

Не разобрать: где верх, где низ?..

Ты... слава Богу, жив.

ПРО НЕБО, ВОДУ И ЗЕМЛЮ

Я помню, и ^луны бывали тогда постоянны,
а каждый, под кров уходящий — подлунное помнил.
Покровные сёстры и братья, подлёдно и явно
на зов не взывали, ущербным безлунием ^полны...

Прозрели: призвали, свили́, как сетями злорыбку —
давно не владычицу — так, у теней на посылках...
Вот, лапы и когти рашу, чтобы на́ берег вспрыгнуть.
Бог вынесет, — думаю, — тут-то и воля... —
Ан, там-то и клетка, и ссылка.

Заметно старея, сродни зоосадному зверю,
затихну, вздремну, привыкая, в бездомье, в дороге...
А радиобразный откуда-то сверху, над дверью,
привычно и сытно споёт о «сердечной тревоге».

* * *

Так солнечно было на небе, и было спокойно в душе,
и лодка вверх днищем лежала на склоне в сурепке и мяте,
и сын приговаривал: «Шей, шей...».

Я штопала маленький джемпер и тихо дитя обожала,
и пела: «Не шуми ты, ма-ати, зелё-оная-а дубра-авушка...».

Откуда слетела ты, птица, и села на старый сарай,
и не по-вороньи сварливо, а — тонко вскричала и жалко,
разрушив полу́денный рай?..

Тревога упала на лица —
мой мальчик домой убежал: «К ба-абушке...».
А я притаилась под сливой — и слушала серую тварь:
«Клё-о, кви-и, куарrrr...».

Потом целый вечер болели, и до утра не спалось,
поутру же мучили сны.

Но не было полной луны, и дождь не шёл всю неделю,
и ничего не стряслось...

* * *

Что написать тебе, какого ждать ответа,
солдатская жена — или вдова? —
когда рассвет, родившийся едва,
просрочен
между полночью и светом?

Устать, уснуть...
Полгода позади — и ни строки!..
Не помни, ради Бога,
той женщины, упавшей у порога
с письмом в руке...
Не верь, молчи и жди.

Быть матерью...
Война — удел мужчин.
Ни слов, ни слёз, ни спешного ухода...
Твой сын кричит — и кануло полгода.
А ветра во́ поле пустом — ищи-свищи.

Во по́ле вид из моего окна.
Там шар висит пурпуровый над миром,
а ветра — нет...
Тревога за Памиром.
Не спи до срока, мужняя жена.

* * *

Не уводи меня, Боже, из хрупкого этого дома
радости, крови, зари, заговоренных уз...
Роня и Слава живут в нём, и Виктор, и Тома.
Таня покойная, Ваня отъезжий — и аз.

Семеро нас. Не кричи под окном, предрассветная птица:
к осени в клетке ручного мы купим щегла —
будет восьмым до весны, а девятым явится,
может быть, Ангел-Хранитель, сияя в углу...

Копья ломать приучая на «сталинской теме»,
нам отказали недавно покос за летейской рекой...
Жили и прежде, прозрев — но в грядущем Эдеме
время подлечит, боюсь, все небывшие наши грехи.

Господи!.. не допусти нас за узкий подлесок прибрежный!
За́ руку бережно сына, Хранитель, по тропке води.
Если ж уйдём за луга — Ты и там — не отвержи,
Вышли по следу собаку с живою и мёртвой водой...

ЗИМНЯЯ ПАМЯТЬ

Когда я повернусь тому вослед,
что, про́жито и полуживо — всё уходит,
и в зимней памяти земных угодий
рубцом на поле оставляет след,

душа молчит и слепо ищет путь —
в ночи до дна промёрзшая криница:
ни Света нет, к которому стремиться,
ни глуби той, в которой утонуть.

И только му́ка на изломе сил,
да Ты — «...вернись!..» — зовущий издалёка...
Под небом с предрассветной поволокой
нептичий зов...
Куда он уносил?

* * *

У маленьких осин
собрать упрямых веток.
Поставить на окне —
и поиграть в весну:
как будто юный сын
по старому паркету
босой бежит ко мне,
и я к нему тянусь...

И я к нему тянусь
растерянно — и пла́чу...

Представить так.
Но нет:
я пла́чу над собой,
у вороха листов,
как девочка...
как мальчик...
Мой чёрный свет
без слов...

И боль слепа,
как боль.

ПЕСНЯ ДЛЯ ЛАДЫ

Городок наш маленький,
духом среднеро́ссийский...
Девочка «под Палех»
делает наброски
улиц хаотических,
липок рахитичных,
всё — рукой языческой,
сердцем непрактичным...

Вся твоя неправда — вот твоё искусство.
Мальчики и травы, полупрофиль грустный,
мотылёк и роза, обла́ки хрустальные —
голубая проза, век сентиментальный...

Облаку поблекнуть, Лада, губы алые...
Отчего с опекою медлит добрый ангел?

Соберёмся с силою, закатим потешную!..
— Ах, прошу, помилуем девочку нездешнюю...

ЛАДУШКЕ — СХИМОНАХИНЕ АННЕ

Светлый ветер поднебесье раскачал —
травы гнёт, листву сминает пыльной кроною...
Прилетайте, братья-ангелы, встречать
душу ангельскую, вам и Небу сродную!..

Вот, из нас одна
трепещет у Дверей,
внемя зову Жизни Вечной,
ей лишь слышному
в шуме трав...
Спешите, светлые, скорей
проводить сестру мою
к Отцу Всевышнему.

Прах — лишь прах!.. — сухим суглинком порошá,
над холмом вознёс оплечья крест древесный —
Божий знак:
здесь христианская душа
ждёт своих, томясь...
Сюда, Отряд Небесный!

В полудённых ясных облаках
вдруг проявится лицо — душа нездешняя
и родная...
Нет на ней греха,
Святой Боже!..
Ты прими её, безгрешную.

МЫ

... потому что увидели мы, как легко и неслышно
время — чёрная мышь в темноте проскользнула меж нами,
а за нею судьбой пронеслась ослепительно чёрная кошка...
Где их верная встреча в кромешных просторах Всевышних?

... о любви, о Любви —
закричи мне, заплачь!.. — замолкает желанье.
Звёздный шорох в ночи, звонкий лёд — поднебесная крошка...
Но слышней хрусткий шум многоногого хищного бега —
глаз не видно, лишь грязные стены мелькают, и тошно...
Что ж искали — ночлег — не найти в мирозданье ночлега.

... в суете, впопыхах мы какую-то дверь, мы порог миновали —
не понять, где мы бродим теперь —
в коридоре, в загоне, в подвале...
Светлый дом — каземат в стиле *vita nova*,
тараканьи уголья.
За окном, где чёрно́ и зима,
вижу землю...
уходим, уходим.

* * *

Я...
...буду сниться тебе,
мой неженка, мой любимец,
мой маленький грустный
провожатый.

...если бы — чтобы спокойней,
чтобы
дом, чтобы снова
не разлучаться —
а непрерывно,
и слиянно,
и длилось бы — долго-долго.

...весну, и лето, осень, зиму —
не дробить на смутные немножки —
поцелованья,
пошептання,
посмеянья —
вдоль спешных и угрюмых переездов,
серое на сером.

...ах, Светлый Сад не пройденный,
Ах, Небо...

СТАРШИЙ

По чужим, по расхожим платить счетам долг —
в том ни смысла, ни счастья, ни славы, ни сил — нет.

Я приду бездорожьем, построю сестре дом —
и прошусь... Оглянёшься: руины да пепл — вслед!

Мой ли грех?.. Я вернусь с полдороги. И вновь — раб,
Божий раб — на окраине Отчей поставлю с трудом сруб...

Да, не люб я к полночи — но жалок до слёз брат,
битый в кровь при народе за немощь своих рук.

Он и в драку не лез — он хотел только жить, петь,
в сад ходить, где б дышалось легко в дождь.

Сытых рож — до рожна, до сословья... Но терпеть
их ленивую правду, о, Боже мой, невмочь.

«Разрушение стен — это дело самих стен!..»
(а под ними, коль выползет, в пятом углу — всхлип).

Раздражающий остов кувалдами в семь смен
дружно гробили, дым до небес жгли...

По завету — любить, по вине — я бреду вновь...
Только небо нагрывает, да сердце сожмёт — смерть!..

«На кого же... на свете... останет...», — следы слов
жаркий ветер доносит: «Не руси мы...» —
— «Не...
сметь!..»

Цветы волшебных очертаний
сажала мама у дверей.
Мы пели песни вечерами,
собравшись вместе во дворе...

Девчонкой в мяч играла ведьма,
незлой злодей ловил стрекоз...
Как вдохновенны были дети,
что превратились в стариков!..

Пора безгрешных меценатов,
любви и правды полный мир!
Летучий коник над театром...
Колдун-река: Гвадалквивир...

Где твой вихор, бродяга-братик?
Куда тебя заботы мчат?
На что, сестрёнка, век истратишь,
как сносишь клёш на помочах?..

Произойдут, как роды, сроки,
измучит бремя похорон;
отравит дальние истоки
немадригальный грай ворон...

Проснётся в личике — личина,
прогонит юношеский шиз...
Всё станет ровно и причинно.
И обретёт название: жизнь.

* * *

Потому что нам
никуда не войти,
от рожденья —
нигде,
никогда.

На пространстве окрест —
вырождение пути:
пыль,
обочина,
лебеда.

И поэтому я
у входа в тоннель
выбираю рисунок стены.
Правду склона глухого,
тёмную ель.
Право стона — тревожить сны.

На приманку —
«единственный шанс!..» —
не иду
к знаку «Вход»,
чтоб не сыну смотреть,
как вслепую, на чужом поводе,
я меняю
клетку —
на клеть...

ОТРАЖЕНИЯ

Под небом полуночи спят полунчные воды...

Беспечно

усталые ангелы дремлют на лодках небесных.

Укрыли ловцы и ловчихи — хранители стай человеческих —
крылатым объятьем бессмертно-бесполое чресла
свои,

покрыла́ми людские поймали поникшие плечи...

Не спи, православный!.. на улицах города тесно
бывает с рассветом,
и ангелов сон на исходе.

Твой сон на заре, Назарет, никакому исходу угоден...

Ты, сон на заре тьмы веков — я боюсь! — ужель беспробуден?! —
в скрещении тысячелетий — и — смертный?..

О Боже, не буди

так!..

Вот уже льётся рассеянный свет —
ниоткуда,

как будто с небес преисподней —

тоскливо, противно и страшно;

и держит «Новейший Завет»

история в красном исподнем,

да мы-то — без Веры вчерашней...

Без Чуда,

без Веры,

без Жизни — где вольное небо,

где летний покой в полудённой поре...

Где сушат, на вёслах развесив, свой невод

Двенадцать апостол... ах, нет — рыбаблей.